

0720580-1

На правах рукописи

Переверзев Александр Евтихиевич

**РУССКИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ
И СТАТУСНЫЕ ПОЗИЦИИ**

Специальность 22. 00. 04. – социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Ростов-на-Дону
2001

Диссертация выполнена на кафедре социологии Ростовского государственного педагогического университета.

Научный руководитель: доктор социологических наук,
профессор **Денисова Г.С.**

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор **Авксентьев В.А.**
доктор философских наук,
профессор **Шевелев В.**

Ведущая организация: **Санкт-Петербургский государственный университет**

Защита состоится 2 марта 2001 г. в 15⁰⁰ на заседании диссертационного совета Д. 212.208.01. по философским и социологическим наукам при Ростовском государственном университете (344006, г.Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, ИППК при РГУ, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке РГУ (Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан 2 февраля 2001 г.

**НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ**

Ученый секретарь
диссертационного Совета,
кандидат социологических наук,
доцент

Марин

М.Б. Маринов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Реформы конца 80-х годов, проводившиеся в СССР, вызвали активизацию этносоциальных и этнополитических процессов. Их инвариантом во всех республиках Советского Союза, а также в республиках Российской Федерации было резкое снижение статусных позиций русского населения. Если до перестройки представители русского этноса гарантированно занимали доминирующие позиции в политическом, экономическом, культурном, образовательном полях на всем советском пространстве, то со второй половины 80-х годов русские вытесняются представителями титульных этносов как с занимаемых ранее позиций, так и вообще из суверенизирующихся государств.

В результате в первой половине 90-х годов в северокавказских национально-государственных образованиях, где в большей, а где в меньшей степени сложилась не классическая социальная ситуация. Проживающие в регионе титульные этносы, не являясь численно или социально-экономически доминирующими, приобрели этот статус в поле политики. Его укрепление, сопряженное с перераспределением вакансий на рынке труда в пользу представителей титульных и коренных этносов, совпало с кризисом промышленного производства в России в целом. Русское население, большей частью, локализованное в городах и занятое в системе промышленного производства¹, стало выезжать за пределы республик, делая тем самым невозможным возобновление в краткосрочной перспективе функционирование индустриального сектора экономик республик региона. Этот процесс особенно наглядно проявился в регионах контакта христианской и мусульманской религий – в республиках Средней Азии, Азербайджане, республиках Северного Кавказа.

Параллельно с этим, в идеологическом процессе, развернувшемся в республиках Северного Кавказа в связи с их суверенизацией, акцентировалась в открытом или латентном виде негативная роль России и русских в истории народов региона, а также этнический характер российской государственности, выражающий интересы будто бы исключительно русского этноса.

¹ Так, например, по данным 1989 г. русские составляли в четырех республиках Северного Кавказа (в Дагестане, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) всего 20% населения, составляя при этом 57% всех занятых в их промышленном производстве. (Пути мира на Северном Кавказе. М., 1999. С.151.)

Уже социально-демографическая статистика, взятая в этническом аспекте, показывает сложившуюся в северокавказском регионе сложную систему этноэкономического взаимодействия, в которой различные народы осуществляли различные функции. Выпадение из этих систем такого элемента, как русская этническая общность, либо перераспределение ее функций между титульными этносами, то есть целенаправленное изменение статуса русского народа, привело к росту энтропийных процессов во всей системе.

Все эти процессы проецировались как на характер межэтнических отношений в регионе, так и на самосознание русского населения в России в целом. Широко известен тезис о том, что русские в полиэтнических регионах России играют стабилизирующую и интеграционную роль, что подтверждается различной динамикой современного этнополитического процесса в разных регионах страны. Однако мало изучаются факторы и источники данной интегрирующей роли. Сложившаяся этносоциальная и этнополитическая ситуация в республиках Северного Кавказа, изменение баланса этнических групп в составе их населения, делает проблематичной осмысление выполнения русскими интегрирующей и консолидирующей роли на Северном Кавказе.

Вместе с тем, на протяжении последнего десятилетия отчетливо проявилась роль политической ситуации на Северном Кавказе в степени стабильности позиций высокопоставленных чиновников центральных органов государственной власти. Эту роль трудно объяснить только экономическим потенциалом или геополитическим положением данного региона. Результаты политики на Северном Кавказе рассматриваются общественным сознанием с точки зрения их совпадения или противоречия этнокультурному паттерну русских. И потому кавказская политика федерального центра по своему значению выходит далеко за пределы локально-региональной. Ее корректировка с необходимостью предполагает анализ социально-исторической роли, которую играл и продолжает играть русский этнос в северокавказской полиэтнической социокультурной системе. Изложенные аргументы определяют теоретическую и практическую актуальность избранной темы диссертационного исследования.

Степень разработанности проблемы. Проблема стратифицированности общества и различной статусности социальных групп является фундаментальной для социологии. Классическими в этой области являются работы К.Маркса, М.Вебера, П.Сорокина, в центре внимания которых находились вопросы социально-экономического статуса групп и индивида, и

факторов, воздействующих на его изменение. При этом наличие четко фиксируемых общественных групп было аксиомой.

Изменения, произошедшие на Западе в 60-е годы в связи с формированием структурных элементов постиндустриального общества, привели к появлению постструктуралистских взглядов на проблему социальной статусности: так, П.Бурдьё при анализе классовой структуры по сути дела отказал классам, то есть основному объекту исследования классической и модернистской социологии, в реальности. Он призвал рассматривать не столько социальные группы, сколько поля социума, в каждом из которых конфигурация социальных элементов не имеет жесткой корреляции с другими социальными полями. Одной из причин, приведших западных ученых к отказу от жесткой структурированности своего видения социума, было появление ряда новых субъектов социально-политической борьбы, образованных на основе возрастного, полового, регионального, этнического принципов.

Преобразование этничности в международном масштабе из культурного и расового показателя в фактор, генерирующий экономическую, профессиональную, политическую подструктуры общества, произошло под влиянием процессов глобализации, вызвавших как проникновение элементов модернистской западной культуры в традиционные общества третьего мира, так и массовые миграции представителей третьего мира на территорию Запада. Конфликты, порожденные столкновением Запада и Третьего мира стимулировали исследование проблемы "стратификации и этничности". В этом направлении работали такие известные ученые как Р.Майлсон, Дж.Уэстергард, Г.Реслер, С.Кастлз, Г.Козак, Дж.Рекс, С.Томлинсон. Глубокое исследование по проблеме статусов этнических групп было проведено Л.Хагендорном².

В Советском Союзе исследования этностратификационных проблем тормозились в силу государственного регулирования этнических отношений. Хотя уже в 80-е годы началось изучение в методологическом ключе проблем межгрупповых отношений³. Демократизация общества в немалой степени способствовала как активизации этносоциальных процессов, так и их исследованиям. В поле внимания ученых попали, прежде всего, вопросы политической активности этносов, которая привела к актуализации про-

² Хагендорн Л. Этническая категоризация и дискриминация: роль культурных ценностей и общественных стереотипов в формировании этнических иерархий//Национализм (Взгляд из-за рубежа). М., 1995.

³ Агаев В.С. Психология межгрупповых отношений. М., 1983. Он же. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.

блем федерализма. В этом отношении широкую известность получили работы Р.Г.Абдулатипова, М.Н.Губогло, Л.М.Дробяжевой, В.И.Козлов, В.А.Тишкова. В общетеоретическом плане проблема этнической статусности специально анализируется в работах кубанского исследователя М.В.Саввы⁴. На материалах северокавказских республик эта проблема затрагивается в работах В.А.Авксентьева, Г.С.Денисовой, А.Б.Дзадзиева, А.Дугина, Ф.Кисриева, Ю.Кульчика, Э.А.Паина, М.В.Саввы, Г.У.Солдатовой, Л.Л.Хопёрской. В работах этих исследователей в той или иной степени обсуждалась также проблема социальной статусности и иерархичности этносов на Северном Кавказе.

Значительный вклад в разработку проблемы этносоциальной стратификации на Северном Кавказе принадлежит кавказоведам-этнопсихологам - Э.Х.Панеш и Г.У.Солдатовой. В исследованиях Э.Х.Панеш подробно рассмотрены вопросы историко-культурных оснований формирования социальных статусов этносов на Северном Кавказе, а в трудах Г.У.Солдатовой не только приведен результат изучения этнических авто- и гетеростереотипов (в которых отражается этносоциальная стратификация), но и подробно излагается методика их исследования⁵.

Вместе с тем, следует отметить, что в подавляющем большинстве работ, посвященных анализу современных этносоциальных и этнополитических проблем России, не достаточно внимания уделяется рассмотрению проблем русских. Как правило, эта тема рассматривается демографами при изучении миграционных процессов русских из стран СНГ (работы Г.С.Витковской, Л.Л.Рыбаковского, Т.М. Регент). Изменение демографических позиций русских в различных национальных районах СССР и в России рассматривается также в работах известного отечественного этнолога и этнополитолога М.Н.Губогло⁶. Но наибольшее внимание по этой тематике в

⁴ Савва М.В. Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). Краснодар. 1997.

⁵ Панеш Э.Х. Этническая психология и межнациональные взаимоотношения. Взаимодействие и эволюция. СПб. 1996; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

⁶ Губогло М.Н. Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959-1989 гг. (по материалам переписей населения СССР). - Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1992. № 32; Он же: Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959-1989 гг. (по материалам переписи населения СССР). - Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1992. № 33.

современной отечественной литературе уделяется рассмотрению специфики национального характера (К.О. Касьянова, А.О.Бороноев, И.П.Петров), национальному самосознанию (Ю.К. Краснов, З.В. Сикевич), взаимодействию русских с другими этническими группами в крупном городе (Г.В. Старовойтова, З.В. Сикевич)⁷. Эти темы раскрываются и в коллективных монографиях, опубликованных в последние годы⁸.

Проблематика русских на Северном Кавказе рассматривается большей частью в ключе положения казачества, истории заселения им данного региона, необходимости возрождения его культурной самобытности. Значительное внимание проблематике русских на Северном Кавказе уделяется в работах северокавказских ученых: М.Б.Беджанова, В.Дзидзоева, К.Х.Унежева⁹ и др., которые рассматривают историческую роль русских в регионе и традиционные культурные связи русских и народов Северного Кавказа. На этом фоне подробным и глубоким является этносоциологический анализ современного положения русских в регионе, представленный А.Дзадзиевым в независимом экспертном докладе Института этнологии и антропологии РАН, в котором скрупулезно рассматривается разносторонняя демографическая и социальная статистика, характеризующая ситуацию русских в регионе¹⁰. В представленных работах позиции русских рассматриваются преимущественно как продукт воздействия объективных факторов, связанных с трансформацией экономической и политической организации общества.

Вместе с тем, социальный статус группы, а в данном случае – русских на Северном Кавказе, имеет еще одно измерение – он является результатом социальной и экономической активности самого этноса. Изменения в материальной культуре северокавказского региона, произошедшие в результате его освоения русскими, а также набор доступных им в регионе социальных

⁷ Бороноев А.О. Россия и русские: характер народа и судьбы страны. М., 1992. Касьянова К.О. О русском национальном характере. М., 1994; Краснов Ю.К. Русские: социальный портрет. Владивосток, 1989; Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М., 1996; Она же: Сикевич З.В. Социология и психология межэтнических отношений. СПб., 1999.

⁸ Размышления о России и русских. Штрихи к истории русского национального характера. М., 1994; Русские, этносоциологические очерки. М., 1992.

⁹ Беджанов М.Б. На пути национального возрождения. Майкоп, 1992. Унежев К.Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, 1997.

¹⁰ Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад под ред. В.А.Тишкова. При поддержке Миротворческой миссии на Северном Кавказе. М., 1999. С.139-155.

ролей являются реальными индикаторами их статуса, взятого в его исторической динамике. Присутствие русских в данном регионе и выполняемая ими социокультурная роль производны от символического мира, созданного этносом. Анализ статуса русских на Северном Кавказе с этой точки зрения предполагает обращение к понятиям «этнической картины мира», «национального характера», «национального самосознания», рассмотренные применительно к русскому этносу в целом в работах К.Касьяновой, С.Я.Лурье, Л.М.Дробижевой, Л.Н.Вдовиной.

Иначе говоря, экономические преобразования в северокавказском регионе и политическое структурирование северокавказских обществ, произошедшие в результате взаимодействия автохтонных этносов Северного Кавказа с русским, могут быть рассмотрены как проявления определенных культурных паттернов русской этнической общности. Эти паттерны ранее и сегодня определяют видение русскими северокавказского цивилизационного пространства и своего места в нем; а также задают русскому этносу виды и формы социокультурной активности в этом пространстве. Иными словами, социальные позиции русских в данном регионе образуются пересечением ряда полей: экономики, политики, где их позиции определяются взаимодействием с соседними этносами, а также в поле культуры, и социальной активности, которая определяется самосознанием русских. Изучению очерченного круга проблем посвящена данная работа.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является анализ статусных позиций сегмента русского этноса на Северном Кавказе как динамической характеристики, определяемой исторически сформировавшейся социокультурной моделью этнической активности.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- проанализировать диапазон проявления этничности как фактора формирования социально-иерархических отношений в основных типах стратификационных систем;
- сравнить источники формирования статусных позиций у русских и автохтонных народов Северного Кавказа и траекторию мобильности социальных групп в этностратифицированной социальной системе региона;
- проанализировать социальные функции русских, определяющие их роль на Северном Кавказе;

- рассмотреть этатистскую деятельность русского этноса на Северном Кавказе как образующую и легитимирующую политическую субъектность автохтонных этносов;
- проанализировать роль Северного Кавказа в этнической картине мира русского этноса как фактор, генерирующий паттерны русской этнической активности в регионе.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является этносоциальная стратификация населения республик Северного Кавказа. Предметом исследования выступают анализ форм проявления социального статуса русских в социокультурных системах республик Северного Кавказа и факторов, обуславливающих его динамику.

Методологической основой исследования является структурно-функциональный анализ, позволяющий выделить статусы социальных групп и определить источники их динамики; историко-этнологический анализ, базирующийся на трактовке культуры Л.А.Уайтом как поля символической деятельности человека и на концепции этнической картины мира, предложенной С.Я.Лурье. В исследовании была использована методологическая идея М.В.Саввы, о детерминации этностатусных позиций «феноменами группового сознания: самооценкой этноса в целом, различных групп и слоев этноса, а также оценкой его контактирующими этническими общностями по целому ряду критериев»¹¹.

Выявление социального статуса этнических групп и содержательных элементов этнического самосознания невозможно вне традиционных методов социологии и демографии: статистического анализа, методов опроса, интервью, контент-анализа прессы, которые также активно использовались в диссертационном исследовании.

Информационной базой, на основании которой выстраивается анализ, помимо статистических данных, являются конкретно-прикладные социологические исследования, проведенные при непосредственном участии автора в 2000 г. в Карачаево-Черкесской Республике и в Ставропольском крае. Исследование проводилось при поддержке гранта ФЦП «Интеграция» № С0070 за 2000 г. (руководитель проекта – проф. Денисова Г.С.).

¹¹ Савва М.В. Этнический статус: анализ социально-политического феномена. Автореф. ... доктора полит.наук. М., 1999. С.14.

Научная новизна исследования. Принципиально новым является предложенный подход к анализу динамики социального статуса этнической группы – его осмысление в контексте воспроизводства (изменения) паттернов социальной активности этноса.

В содержательном плане научная новизна исследования заключается в следующем:

- выделен потенциал этничности в формировании социально-иерархических отношений и производность их содержания от уровня цивилизационного развития доминирующего в стратификационной системе этноса;
- проанализированы источники формирования социально-статусных позиций у русских и автохтонных народов Северного Кавказа, отличающиеся как социально-исторические (государственность, уровень социально-экономического развития, уровень развития культуры) и социально-биологические (численность, степень укорененности, территориальная размещенность, уровень внутриэтнической сплоченности, обеспечиваемой сохранением родовых связей);
- рассмотрена закономерность архаизации социально-экономической жизни современного многосоставного общества в условиях политического доминирования цивилизационно отсталого этноса;
- проанализированы социальные функции русских в регионе в зависимости от степени их обеспеченности ресурсной базой российского государства;
- аргументирован тезис о главном факторе, вызвавшем снижение социального статуса русских в регионе, в качестве которого выступает переориентация поддержки федерального центра с русского сегмента населения на автохтонные народы, что вызвало разрушение баланса этнических групп в многосоставных обществах Северного Кавказа;
- показана символическая роль Северного Кавказа в общественном сознании современного российского общества, которая связывается с цивилизационной идентичностью русского населения и сохранение культурной модели развития.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Этничность в латентной форме выступает составной частью любой из исторических типов социально-стратификационных систем, поскольку в гомогенных обществах задает культурный код стратификации, а в многосоставных – выступает маркером социально-групповых различий. В многосоставных обществах этничность, становясь основой социальной стратификации, воспроизводит ту систему социального неравенства, которая соответствует цивилизационному уровню развития доминирующего этноса.
2. Этнический статус проявляется в степени ролевой свободы представителей конкретного этноса в различных стратификационных подсистемах общества и может быть фиксирован посредством объективно-статистических показателей, выступающих индикаторами функционирования той или иной сферы жизнедеятельности общества.
3. В современных многосоставных обществах, этностратификационная система проходит реально по цивилизационной границе: доминирующее положение занимают этносы, достигшие индустриальной фазы социально-экономического развития, доминируемое – аграрные этносы. Формирование стратификационной системы по этническому основанию определяет условия социальной мобильности. Она возможна либо с переходом этнофоров на принципы достигаемой мобильности, задаваемыми доминирующей этногруппой, либо с изменением социального статуса собственной этногруппы. В первом случае наблюдается процесс ассимиляции, во втором - революционное реструктурирование социума и его архаизация, поскольку теперь доминирующее положение занимает цивилизационно отстающая этногруппа.
4. Интериоризация Северного Кавказа в российское политическое и социокультурное пространство осуществлялась посредством наращивания здесь численности русского сегмента населения, что привело к формированию многосоставного общества, важнейшими принципами сохранения которого являются численная равнозначность составных элементов (русского и кавказского) и утверждение единой политико-гражданственной идентичности. Статусные позиции русских в этих многосоставных полициях всегда подкреплялись военным (силовым), административным и культурным ресурсами российской государственности. Они выступали *социальным* капиталом русских на Север-

ном Кавказе в противовес *аскриптивному* капиталу автохтонных этносов региона.

5. Русские на Северном Кавказе выполняют следующие социокультурные функции:

- политико-юридическую, которая проявилась в создании общих государственно-правовых ориентаций у автохтонных народов;
- экономическую, проявляющуюся в создании здесь индустриального сектора экономики, что привело к расширению многоукладности хозяйства и создавало предпосылки для развития модернизационного процесса;
- культурно-динамическую, выразившуюся в изменении механизма трансляции культурной информации, т.е. создании основ письменности и, тем самым, предпосылок для развития этнического самосознания и становления профессиональной культуры коренных народов;
- ценностно-ориентационную, которая выразилась в создании общего образовательного и государственно-идеологического пространства на аксиологической базе русской культуры.

Тем самым, русские в данном регионе играли интегративную роль, проявлявшуюся в формировании Северного Кавказа как достаточно целостного административного региона, имевшего модернистский тип экономики в равнинных территориях, и характер многосоставного общества, который и обеспечивал внутрирегиональную стабильность.

6. Российская государственность и есть форма этномобилизационной консолидации русской этнической общности, сформировавшаяся в процессе истории, и аналогичная родовым формам консолидации, сохраненными северокавказскими народами. Поэтому изменение политического курса федерального центра на Северном Кавказе, которое проявляется в переориентации его властных ресурсов с русского сегмента на сегмент коренных народов, вызывает снижение статусных позиций русских. В качестве важнейших следствий этого процесса выступает «сбой» в выполнении социокультурных функций русским населением в регионе.
7. Северный Кавказ в дискурсе русских политиков и общественных деятелей выступил индикатором внутриэтнического функционального конфликта, противопоставившего две позиции (ориентация на интериоризацию Кавказа Россией, или - на дистанцированность России от данного региона); имплицитное назначение этого конфликта - определить цивилизационную идентичность России. При этом русское население

региона высоко оценивает степень интериоризации Россией северокавказского региона, как результат кавказской политики предшествующих форм государственной власти России. Поэтому сохранение Северного Кавказа в составе России требуется рассматривать шире, чем проблему сохранения территориальной целостности страны. Сохранение русской укорененности на Кавказе выступает сохранением и воспроизводством культурного кода самого русского этноса, важными элементами которого являются политическая интеграция народов, самостоятельно не выработавших собственных государственных форм.

Практическая значимость работы определяется потребностью осмысления социокультурных и политических последствий административных решений, направленных на регулирование социально-экономических процессов на Северном Кавказе, осуществленное без учета их этнической составляющей.

Социальное значение работы состоит в том, что проделанный анализ социокультурной роли и функций русских в данном регионе представляет научную аргументацию для корректировки стратегии управления социальными и политическими процессами на Северном Кавказе с позиции оптимизации межэтнических отношений.

Положения и выводы диссертационного исследования могут быть также использованы органами государственной власти для регулирования этносоциальных процессов и раннего предупреждения межэтнической конфликтности.

Материалы диссертации могут быть использованы в преподавании курсов общественных наук (политологии, этносоциологии, регионологии), а также для разработки спецкурсов и спецсеминаров по проблемам межэтнических отношений.

Апробация работы. Основные положения диссертации докладывались на научно-теоретических конференциях: Научные чтения «Этнополитический процесс на Северном Кавказе» (Ростов-на-Дону, ноябрь 1997); Развитие личности в образовательных системах Южно-Российского региона. V годичное собрание Южного отделения РАО. Ч. I. Ростов н/Д., 1998; «Социальные процессы в современном Российском обществе» Аксай 2000 г., а также легли в основу разработки программы социологического опроса русского населения в северокавказском регионе.

Концепция диссертации и результаты исследований обсуждалась на совместном заседании кафедры социологии и кафедры регионоведения и этносоциологии Ростовского государственного педагогического университета.

Основное содержание диссертации изложено в научных статьях соискателя, общим объемом около 3,5 п.л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, приложения (включающего в себя 30 статистических таблиц). Объем текста диссертации - 150 машинописных страниц.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснована актуальность исследования, анализируется степень разработанности проблемы, определены цели и задачи работы, показана её новизна и практическая значимость.

Глава I «Методологические проблемы изучения социального статуса этнических групп» рассматривает общетеоретические подходы к анализу этнической стратификации и факторов, обуславливающих изменение этно-статусных позиций. Она состоит из двух параграфов.

Первый параграф «Этнический фактор в стратификационной системе многосоставного общества» посвящен рассмотрению условий, при которых этничность становится базовым фактором, генерирующим неравенство, иерархичность, а также формам, принимаемым в данном случае известными типами стратификационных систем.

В частности, условием увеличения удельного веса этничности как стратификационного фактора, среди других причин, воспроизводящих разнообразные социальные иерархии, выступает этническая многосоставность конкретного общества. В данном случае этнические сегменты, являющиеся базовыми составляющими элементами рассматриваемой социальной структуры, выступают также ведущими коллективными субъектами общественно-политических процессов. При этом обращается внимание на то обстоятельство, что воспроизводство этнических различий (как внешних, визуальных, так и внутренних, культурных, на что указывал еще Э.Геллнер) само по себе может явиться достаточной онтологической причиной для разнообразных форм социального неравенства.

В параграфе показывается изменение параметров известных типов социальной стратификации при "подключении" к ним этнического фактора.

Так, физико-генетическая стратификационная система будет воспроизводиться в этническом ключе через монополизацию доминирующей этнической общностью имеющихся «мужских» социальных ролей, то есть путем манифестирования представителями данного этноса своей «маскулинности». «Рабовладельческая» стратификационная система в этническом плане будет представлять собой крайний предел доминирования одной этнической общности над другой (или другими), и, как следствие, максимально возможное поражение в гражданских правах по этническому признаку, которое учитывается в социальной практике всеми ее участниками, как объективная реальность, и ожидаемо ими.

«Кастовость» этнической стратификации определяется через выяснение параметров реальных отношений одной этнической группы к другой, санкционируемых религиозно. Манифестирование фундаментализма, как правило, свидетельствует о доминирующем статусе этнической группы: чем большее ожидается поражение в правах чужой этнической группы, тем лучше и глубже его требуется обосновать. «Сословность» этнической стратификации может быть выражена через различие юридических прав различных этнических групп: эти права определяются, в первую очередь, законами о языке, гражданстве и выборах. Таким образом, этническая иерархия по схеме «сословного» неравенства представляет собой юридическую асимметрию этнических общностей. «Этакратические» параметры этнической стратификации определяются через количественную и качественную представленность этнической общности в чиновничьей иерархии, или, иначе говоря, через степень монополизации конкретным этносом государственного аппарата.

«Социально-профессиональный» компонент этнической стратификации может быть выяснен через изучение быстрых качественных сдвигов представленности этноса в структурах занятости и образования. Резкое увеличение количества представителей определенной этнической общности на верхних ступенях иерархии и среди дипломированных специалистов, подготовленных образовательной системой локального уровня, свидетельствует о замене «достиженческого» принципа профессионализма на аскриптивный принцип этничности. «Классовые» параметры этнической стратификации лучше всего иллюстрируются этническим составом собственников, взятых не столько по количественным, сколько по качественным характеристикам.

Культурно-символический план этнической стратификации описывается через анализ этнического состава наиболее авторитетных в данном обществе лиц. Очевидно, что если этническая общность, проживающая в определенной политике, не имеет ни одного единоплеменника в качестве знаковой фигуры или участника функционирующего в данной политике процесса символического производства, ее культурно-символический статус либо стремится к нулю, либо сводится к нему доминирующей в этом процессе этнической группой.

Наконец, в культурно-нормативном плане статус этнической общности выражается через ее способность к манифестированию своей этничности путем создания и широкой поддержки общественно-политических и культурных партий, движений, организаций, созданных на этнической основе. Косвенным свидетельством способности этнической общности к само-манифестированию является оказываемое ей предпочтение при выборе своей национальности этническими маргиналами. Кризис этнических движений, от фольклорных до политических организаций, свидетельствует об ослаблении статусных позиций этнической общности в культурно-нормативной сфере.

Во втором параграфе «Этничность как фактор мобильности» рассматриваются причины, ведущие к переструктурированию общества по этническому параметру.

Такие «этнические революции» характерны для обществ, в которых этнические границы являются одновременно границами между сегментами с разным уровнем цивилизационного развития. Речь идет о многосоставных обществах, объединяющих этносы, находящиеся на аграрной и индустриальной стадиях социально-экономического развития. При нормальном воспроизводстве модернистского, индустриального общества вторая группа этносов, утрачивая свои позиции в аграрном, традиционалистском секторе, занимает доминирующие социальные позиции. Для продвижения вверх представителям этой группы, как правило, нет необходимости задействовать свои аскриптивные характеристики (родство, место рождения, этническая принадлежность и т.д.); они сохраняют некоторую роль, но при прочих равных параметрах, как второстепенный фактор¹². Естественно, что такой

¹² Это замечание не касается узких престижных социальных страт, продвижение в которые определяется и в индустриально развитом обществе аскриптивными характеристиками.

процесс приводит к ослаблению значения аскриптивных идентичностей у представителей этносов, находящихся на индустриальной стадии развития, тогда как у доминируемых народов, находящихся на аграрном уровне цивилизационного развития, традиционалистские ценности, в том числе и аскриптивная идентичность, продолжают играть определяющую роль.

Поэтому проникновение в верхние социальные слои отдельных представителей аграрных этносов, носящее в индустриально-аграрных обществах спорадический характер и контролируемое промышленно развитым этносом, ведет к попыткам элит традиционных этносов изменить принципы производства социальной иерархии. Одним из способов, достаточно легко и эффективно позволяющим добиться этой цели, является архаизация наличной социальной системы, проявляющаяся, прежде всего, в радикальном сломе институтов современного общества (экономических, образовательных, политических).

В результате архаизации социальной системы большой положительной мобильностью (мобильностью вверх) в многосоставном обществе начинает обладать та из этнических общностей, которая сохранила больше аскриптивных характеристик и соответственно больший этномобилизационный потенциал, который становится теперь более важным для социальной мобильности личности, чем социально-профессиональные достижения; на Северном Кавказе благодаря именно этому обстоятельству стала возможна утрата русским этносом как носителем модернистского начала своих доминирующих позиций в пользу относящихся к аграрному типу социально-экономического развития автохтонных народов региона.

Вторая глава «Социальный статус русских на Северном Кавказе» посвящена анализу социальных ресурсов статусных позиций русских в регионе и факторов, определяющих их динамику.

В первом параграфе «Российская власть как ресурс статусных позиций русских» рассматриваются условия, позволившие русскому этносу в ходе интериоризации Северного Кавказа Российской империей и советским государством занять доминирующие позиции в структуре северокавказских обществ. При этом отмечается, что главным условием успешного проведения государственной политики по втягиванию региона в российское социокультурное пространство являлось постоянное наращивание имперским и советским государством русского этнического сегмента на Северном Кавказе.

На фактическом материале показывается, что наращивание «физической массы» русского сегмента, являвшегося этнической опорой российской государственности в регионе, дополнялось качественным увеличением его социального капитала, путем активного использования в северокавказской политике военного (силового), административного и культурного ресурсов российской государственности. Эти ресурсы могли быть в любой момент задействованы для нужд русского сегмента населения региона, а тем самым и в интересах самого государства.

Военный ресурс российской государственности «манифестировался» прежде всего в ходе проведения на Северном Кавказе акций «концентрированного легитимного насилия» (сосредоточение на последних этапах Кавказской войны огромной армии; операции по депортации народов Северного Кавказа в 1943-1944 гг., административными мерами регулирования межэтнических конфликтов, например осетино-ингушского).

Административный ресурс проявлялся в основном в процессах административно-территориальных преобразований Северного Кавказа и факте безусловного доминирования Москвы в проведении кадровой политики в республиках. Помимо прочего, это способствовало воспроизводству традиционного для северокавказских народов полиюридизма, одним из источников которого в данном историческом контексте выступало государство в официальной сфере общероссийского законодательства и идеологии, наряду с функционированием обычного права, в основном на бытовом уровне.

Культурным ресурсом российской северокавказской политики, обеспечивавшим расширенное воспроизводство социального статуса русского этнического сегмента на Северном Кавказе, выступало доминирование русского языка и культуры в сфере образования, что, наряду с установлением политико-правовой гомогенности в официальной сфере, явилось стабилизирующим фактором для северокавказских многосоставных обществ, способствуя созданию единых для всех сегментов ориентаций.

В конце параграфа делается вывод, что отказ государства в начале 90-х годов от всех трех ресурсов расширенного воспроизводства социального капитала русской этнической общности – силового, административного, социокультурного - и передача административной инициативы местным этнонациональным элитам, обусловили подрыв статусных позиций русского сегмента населения в стратификационных системах республик Северного Кавказа. Это явление привело к нарастанию тенденции к моноэтничности (односоставности) республик и этнизации государственности.

Таким образом, лишь в результате «запуска» на Северном Кавказе в ходе его интериоризации базового – государственного – паттерна русской жизнедеятельности (с одной стороны, само присутствие здесь русского этнического сегмента и его доминирующие статусные позиции - результат целенаправленных усилий центральной власти; с другой, наличие на Северном Кавказе такого сегмента - главное условие осуществления российским центром своей политики в регионе) стало возможным встраивание в данное социокультурное пространство ряда других русских культурных паттернов.

Во *втором параграфе* «Социокультурные функции русских на Северном Кавказе» анализируются попытки российской власти и русского сегмента северокавказского многосоставного общества произвести социокультурное переструктурирование региона.

В области экономики это выразилось в стремлении переориентировать северокавказскую элиту и значительную часть доминируемых слоев, живущих по модели «набеговой экономики», то есть экономики превалирования перераспределения над производством, на собственно производственную активность; однако, необходимость интеграции Северного Кавказа в состав России в кратчайшие сроки и близость российских областей, обладающих значительным запасом достаточно квалифицированной рабочей силы, привели к ориентации развития экономики региона на использование завозной рабочей силы, без опоры на местное население.

Создание русскими индустриального сектора в регионе способствовало расширению «симметричных», на основе взаимодополнительности, отношений между русским сегментом и сегментом северокавказских автохтонных народов, сохранивших в основном аграрную ориентацию. Однако, прекращение государственного регулирования экономики вызвало на Северном Кавказе свертывание, более быстрое и масштабное, чем в целом по России, индустриального сектора, в который не было вовлечено достаточное количество представителей коренных народов. Этот сектор экономики к тому же являлся и ретранслятором модернистских, анти-традиционалистских паттернов жизнедеятельности, противоречащих кавказскому традиционализму с его этнической, родовой, религиозной доминантами. Одновременно произошел процесс возрождения в современных одеждах элементов «набеговой экономики», который проявился в значительном превалировании управления и менеджмента перераспределительного толка над производством, что не мало способствовало разрушению промышленного сектора экономики.

Эта тенденция идеологически обосновывалась представителями этнической интеллигенции, как возможность посредством увеличения эффективности управления шагнуть сразу в технотронную стадию развития. Следует отметить, что подобные концепции могли возникнуть только в результате стремления и усилий русских (и русскоязычного населения) встроить регион в российское экономическое и социокультурное пространство, что привело к индустриализации Северного Кавказа. Это обернулось увеличением ресурсного потенциала региона в глазах этнолидеров титульных народов, которые, в силу своего отчуждения от промышленности, недостаточно адекватно представляли условия использования данного потенциала. Данное обстоятельство обусловило более быстрые темпы падения промышленного производства на Северном Кавказе, чем в целом по России, причем темпы эти заметно коррелировали с темпами миграции русского населения из региона.

В политическом плане социокультурная функция русских на Северном Кавказе свелась к структурированию северокавказских родовых обществ по типу русской общины, как единицы социума, внутренне сцепленной своими обязанностями перед государством. Этой цели служила борьба российской государственности с антиэлитистским родовым началом, выразившаяся в достаточно произвольном конструировании северокавказских этнических элит и их первоначальной легитимизации посредством как экономических, так и военных (силовых) ресурсов русской государственности.

Легитимизирующая сила российской государственности в отношении северокавказских этнических элит выразилась, в частности, в наличии партийного, советского или "армейского" этапа в карьере всех видных национальных политиков в северокавказских республиках; иначе говоря, успешность службы того или иного представителя коренного этноса на службе Российской государственности выступала в глазах населения этих республик лучшим показателем его политического потенциала.

Наряду с этим центральной российской властью предпринимались постоянные усилия, направленные на расшатывании традиционалистских связей и идентичностей, выразившиеся в расшатывании автохтонной (путем постоянных административно-территориальных преобразований), языковой (путем всесторонней государственной поддержки русского языка как языка межнационального общения) и культурной (путем создания системы образования, ставшей ведущим фактором личной мобильности, на основе русской культуры) этнических характеристик.

Ослабление позиций Федерального центра на Северном Кавказе, высшей точкой которого стал Хасавюртский «мир», привело к смене источников легитимности: на некоторое время доминирующая политическая позиция российской государственности в регионе в глазах значительной части населения региона перешла к Чечне, как политическому образованию, утвердившему свой суверенитет вопреки федеральному центру и, тем самым, доказавшему свое доминирование по отношению к нему. С этого момента одним из главных оснований для оценки потенциала политика федерального масштаба становится его позиция в кавказских делах: так, успешность второй чеченской кампании явилась главным фактором, обеспечившим победу В.В.Путина на президентских выборах в марте 2000 года; иначе говоря, «Северным Кавказом» может быть «легитимизирована» только безусловно этатистская политика.

В выводах ко второй главе дается объяснение зависимости статуса русского сегмента населения на Северном Кавказе от ресурсов, задействованных российским государством на данном этапе в осуществлении своей северокавказской политики. Это связано с тем, что российская государственность и есть форма этномобилизационной консолидации русской этнической общности, столь же естественная и «аскриптивная» для нее, как для ряда северокавказских народов - родовые формы самоорганизации. При этом особо подчеркивается, что присутствие на «многосоставном» Северном Кавказе мощного русского этнического сегмента в многосоставном регионе является не только фундаментальным условием проведения здесь Федеральным центром активной политики вообще, но и важнейшим фактором сохранения самих северокавказских политий как многосоставных. Последнее тем более важно в свете наметившихся тенденций к моноэтничности в республиках Северного Кавказа, что чревато дальнейшей эскалацией конфликтности в регионе.

В третьей главе «Северный Кавказ в пространстве русского дискурса» в качестве фактора, определяющего статус русского этнического сегмента в северокавказском многосоставном обществе, рассматривается самосознание русских, то есть, прежде всего, видение ими себя и своей исторической роли на Северном Кавказе.

В первом параграфе «Северный Кавказ в этнической картине мира русских» рассматривается содержание «православной» и «державнической» парадигм русского этнического самосознания в его историческом развитии.

Так, «православная» парадигма отражает историческую нацеленность русского православно-имперского проекта на включение как можно большего пространства в сферу влияния Православия. В современных условиях роста исламского фундаментализма, в том числе и на Северном Кавказе, «православная» парадигма компенсирует определенную утрату Православием своих позиций в регионе путем акцентирования ее носителями неистинного, полужыческого характера северокавказского Ислама.

Трансфером «державнической» парадигмы русского этнического самосознания выступает в первую очередь русская народная армия. Этим объясняется разрушительное воздействие на русское самосознание в целом любой информации, ставящей под сомнение абсолютное превосходство русской армии над любым противником, в частности, над военными формированиями горцев. Доминирующее положение первого элемента диспозиции «русская армия - горцы Северного Кавказа» является неременным условием сохранения этнической картины мира русского народа; акцентирование такого положения - характерная черта русского национального дискурса от генерала Ермолова до современных российских военных.

Во втором параграфе «Северный Кавказ в контексте поиска цивилизационной идентичности России» описываются результаты прикладного социологического исследования, направленного на проверку гипотезы о соответствии современного этнического самосознания представителей русского сегмента на Северном Кавказе тем парадигмам этнической картины мира русского народа, которые были обозначены через понятия «Православие» - «Державность» - «Народность».

В начале параграфа уточняется содержание «народнической» парадигмы русской этнической картины мира. В этом качестве рассматривается колонизаторски-мессианский алгоритм русской этнической активности, направленной на реорганизацию входящих в состав России народов на основе паттернов русской культуры. Кроме того, показывается историческая обусловленность наличия в русском дискурсе о Кавказе двух противоположных позиций, одна из которых ориентирована на интериоризацию Кавказа Россией, а другая - на дистанцированность России от региона. При этом стратегия интериоризации Кавказа Россией предполагала оптимальное сочетание методов имперского доминирования и эгалитаризма военной демократии, как важной характеристики традиционной культуры народов региона.

Активно внедряемая в русское самосознание с начала 90-х годов идея необходимости ухода России с Северного Кавказа, как Восточных ворот российского государства, является составной частью западнической цивилизационной ориентации и противоречит традиционно положительному восприятию русским народом Востока на архетипическом уровне. Данное обстоятельство на глубинном уровне обуславливает восприятие русским этническим сознанием Северного Кавказа как неотъемлемой части России и постоянно воспроизводит стремление к его более глубокой интериоризации.

Опрос проводился летом 2000 г. в Ставропольском крае (г. Георгиевск и прилегающие села), в Зимовниках (Ростовская область) и в Зеленчукском районе КЧР (ст. Зеленчукская, ст. Карданикская, ст. Исправная). Всего было опрошено 757 человек.

Опрос показал четкое увязывание населением исторического пребывания на Северном Кавказе русских в связи с решением государственных, а не чисто экономических (природные ресурсы, рынок сбыта) задач. По мнению трети опрошенных (29,4%) Россия пришла в этот регион для расширения своих южных территорий, еще столько же отметили геополитическую причину присоединения этого региона - укрепление позиций России в этом регионе в противовес Турции и Ирану. Такое историческое видение роли русских проецируется на оценку сегодняшнего состояния. Русское население, проживающее на Северном Кавказе, рассматривает ценность этого региона для страны, прежде всего, исходя из геополитических позиций. На вопрос о причине необходимости сохранения Северного Кавказа в составе России с точки зрения центра 53,4% респондента отметили необходимость поддерживать экономические связи с ближневосточными странами; 42,1% респондентов выделили геополитические цели (политика на Ближнем Востоке); 32,0% - необходимость блокировать распространения ислама. Позиции, касающиеся внутривосточных проблем, не нашли широкой поддержки у респондентов.

Показателем сохранения в этническом самосознании "народнической" константы выступает приверженность респондентов колониационно-мессианскому алгоритму русской этнической активности: так, опрошенные имплицитно дают высокую оценку степени интериоризации Россией северокавказского региона, считая в большинстве своем Северный Кавказ родной для русских земель, а себя - его коренными жителями; одновременно ими крайне отрицательно оценивается отъезд русских из региона.

Вместе с тем, оценивая перспективы русского сегмента на Северном Кавказе, респонденты разделились практически поровну на тех, кто прогнозирует нарастание миграционного процесса, и тех, кто прогнозирует его стабилизацию; на наш взгляд такое амбивалентное состояние русского самосознания в регионе определяется осуществляемой поддержкой "извне", то есть в данном случае Федеральным центром, "державинического" трансфера. Такое предположение подтверждается поддержкой абсолютным большинством опрошенных идеи постоянного государственного протекционизма по отношению к русскому сегменту на Северном Кавказе.

Судя по результатам опроса, ожидаемый протекционизм должен включать в себя, прежде всего, выход из экономического кризиса, как возобновление государственной поддержки индустриального - традиционно «русского» сектора региональной экономики; гомогенизацию политико-правового пространства и регуляцию межэтнических отношений как обуздание центральной властью местного национал-сепаратизма, а также эффективное военное присутствие.

Под эффективным военным присутствием респондентами понимается не столько применение военной силы в регионе, сколько использование ее центральной властью в качестве "пассивного фона" для процесса взаимодействия русской и северокавказской культур: поэтому военное присутствие России на Северном Кавказе в воспринимаемое сегодня как абсолютно мирное советское время оценивается более высоко с точки зрения эффективности, чем военное присутствие Российской империи, ассоциируемое с Кавказской войной, и Российской Федерации, ассоциируемое с двумя чеченскими кампаниями.

Высокие оценки советского периода по всем вышеназванным параметрам эффективности северокавказской политики центра дополняются высокой оценкой такого параметра, как развитие культур коренных народов региона; вместе с тем эффективность северокавказской политики Российской Федерации периода раздачи суверенитетов по этому параметру оценивается низко. Таким образом, развитие культур коренных народов, по мнению респондентов, является элементом действительно эффективной интериоризационной политики, а вовсе не результатом "сдачи полномочий" центральной властью.

Убежденность в возможности вставания северокавказских культур в русское социокультурное пространство только через их развитие отражает «православную» константу русского этнического самосознания в ее секуля-

ризованной форме: убежденность в универсализме, лидерской роли русской культуре есть превращенная форма русского мессианства, отрефлексированного в концепции «Третьего Рима».

В выводах к третьей главе указывается фундаментальная роль «державнической» константы в русском этническом самосознании на Северном Кавказ. Отказ Федерального центра от всестороннего укрепления позиций своей этнической опоры на Северном Кавказе - русского сегмента северокавказских многосоставных обществ - вызвал внутренний этнический конфликт между сознательными носителями колонизационно-интериоризационной доминанты этнического поведения и сторонниками отказа от нее. Региональный вариант этого конфликта выражается в наличии как потенциальных мигрантов (высокий уровень миграционных настроений у русских Северного Кавказа), так и сторонников дальнейшего укоренения русских на Северном Кавказе.

Очевидно, что в собственно региональном контексте любое проявление межэтнической напряженности обладает амбивалентным потенциалом: оно может вести к разлагающей русский сегмент депривации, а может послужить этномобилизационным фактором. Вектор русского самосознания в таком случае завязит прежде всего от воздействия третьей - внешней по отношению к нему силы - северокавказской политики федерального центра и его нацеленности на повсеместное утверждение своего суверенитета.

В Заключение подводятся итоги исследования. В частности, делается вывод, что дальнейший уход русских с Северного Кавказа, как и продолжающееся ослабление их социальных позиций ведет к нарастанию деструктивных тенденций в северокавказском многосоставном обществе. Дело в том, что данный уход не может воспроизвести социокультурную ситуацию начала колонизации Северного Кавказа Россией, тоже весьма далекую от идеала. Активное встраивание в ткань жизни северокавказских народов русских паттернов жизнедеятельности качественно изменил имевшуюся здесь этносоциальную систему. Произошло государственное оформление трайбалистских сегментов северокавказского общества, и сегодня в регионе противоречия, ранее бытовавшие на уровне меж- и внутриплеменных, пытаются разрешить, задействуя мощь модернистских институтов власти, опираясь на ресурсы созданного русскими индустриального сектора экономики, пользуясь социальным капиталом, накопленным в результате имевшей или имеющей место принадлежности к российским политической, военной, хозяйственной и культурной элитам. Иначе уход русских с совре-

менного Северного Кавказа приведет и уже приводит к сбоям в воспроизводстве многосоставных северокавказских обществ и, в частности, к нарастанию в них тенденций "односоставности", или моноэтничности. Их предотвращение зависит исключительно от воспроизводства Федеральным центром на Северном Кавказе государственного паттерна русской этнической жизнедеятельности.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ:

1. Русские в социально-профессиональной структуре населения Северного Кавказа//Научные чтения "Этнополитический процесс на Северном Кавказе" (Ростов-на-Дону, ноябрь 1997). Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. 1998. № 2. - 0,1 п.л.
2. Социокультурные функции русского населения на Северном Кавказе//Развитие личности в образовательных системах Южно-Российского региона. V годичное собрание Южного отделения РАО. Ч.I. Ростов-на-Дону, 1998. - 0,1 п.л.
3. Северный Кавказ в этнической картине мира русских//Социальные процессы в современном российском обществе. Статьи, тезисы докладов региональной научно-теоретической конференции. Сборник научных трудов г.Аксай. Июнь 2000. С.64-80. (1,0 п.л.).
4. Этничность в системе социальной стратификации//Социальные процессы в современном российском обществе. Статьи, тезисы докладов региональной научно-теоретической конференции. Сборник научных трудов г.Аксай. Июнь 2000. С.80-92. (0,8 п.л.).
5. Этничность как фактор мобильности. Ростов-на-Дону. Изд-во «Пегас». 2000. - 10с. (0,6 п.л.).
6. Российская власть как ресурс статусных позиций русских. Ростов-на-Дону. Изд-во «Пегас». 2000. - 14 с. (0,9).

Отпечатано в типографии ООО "Диапазон".

Подп. в печать 29.01.2001 г.

Тираж 100. Объем 1,0 печ. л. Заказ № 34/01.

344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 206.

Лиц. ПЛД № 65-116 от 29.09.1997 г.

